

18+

Короче говоря...

Сергей Белоус

Сергей Белоус

Короче говоря...

«Издательские решения»

Белоус С. С.

Короче говоря... / С. С. Белоус — «Издательские решения»,

Иногда в голове рождается сюжет, но его маловато для романа или повести — но в самый раз для рассказа. Потом еще один. И еще. И все они разные. Это сборник таких историй. Такой же винегрет, как и «Я так вижу» — самые различные жанры и настроения.

© Белоус С. С.

© Издательские решения

Содержание

Килознаки и мир	6
Катализатор	9
Дела аптечные	12
Семь шагов до тени	14
Четвёртый этаж, одинокий свет	17
Йоль твоего кота!	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Короче говоря...

Сергей Сергеевич Белоус

Иллюстратор Сергей Сергеевич Белоус

© Сергей Сергеевич Белоус, 2026

© Сергей Сергеевич Белоус, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-2008-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Килознаки и мир

Весной, когда ещё лежал местами снег, а река вскрылась, но по утрам всё ещё стоял иней, в одной из дешёвых квартир на окраине Тулы поселился пожилой человек. Имя его было Лев Николаевич. О нём мало что знали: он не заводил разговоров, одевался просто, на людях держался тихо. Лишь соседка с четвёртого этажа, преподавательница литературы, однажды заметила: «Он пишет. И пишет хорошо». После этого его начали звать — уважительно, но шутливо — «граф».

Он действительно писал. Каждое утро заваривал себе крепкий чай, открывал старенький, тугоподъёмный ноутбук и садился за стол. Стол у него был узкий, крашеный, покосившийся, но покрыт белой бумагой. Поверх бумаги — аккуратно лежала тетрадь, куда он вписывал особо удачные фразы. Лев Николаевич привык сначала подумать, потом написать, и лишь потом нажимать «отправить».

Он подрабатывал на текстовой бирже. Об этой работе ему рассказали в библиотеке: мол, платят немного, но быстро, и работа — дома. Его не испугала ни регистрация, ни кропотливость — всю жизнь он занимался именно этим: сидел, думал, выбирал слова, вымучивал каждую строку, как сапожник вытягивает шов на толстой коже.

Первым его заказом был текст под названием: «Преимущества пластиковых окон при правильной установке». Он взялся сразу же. Вошёл в тему, как он сам выражался, с душой.

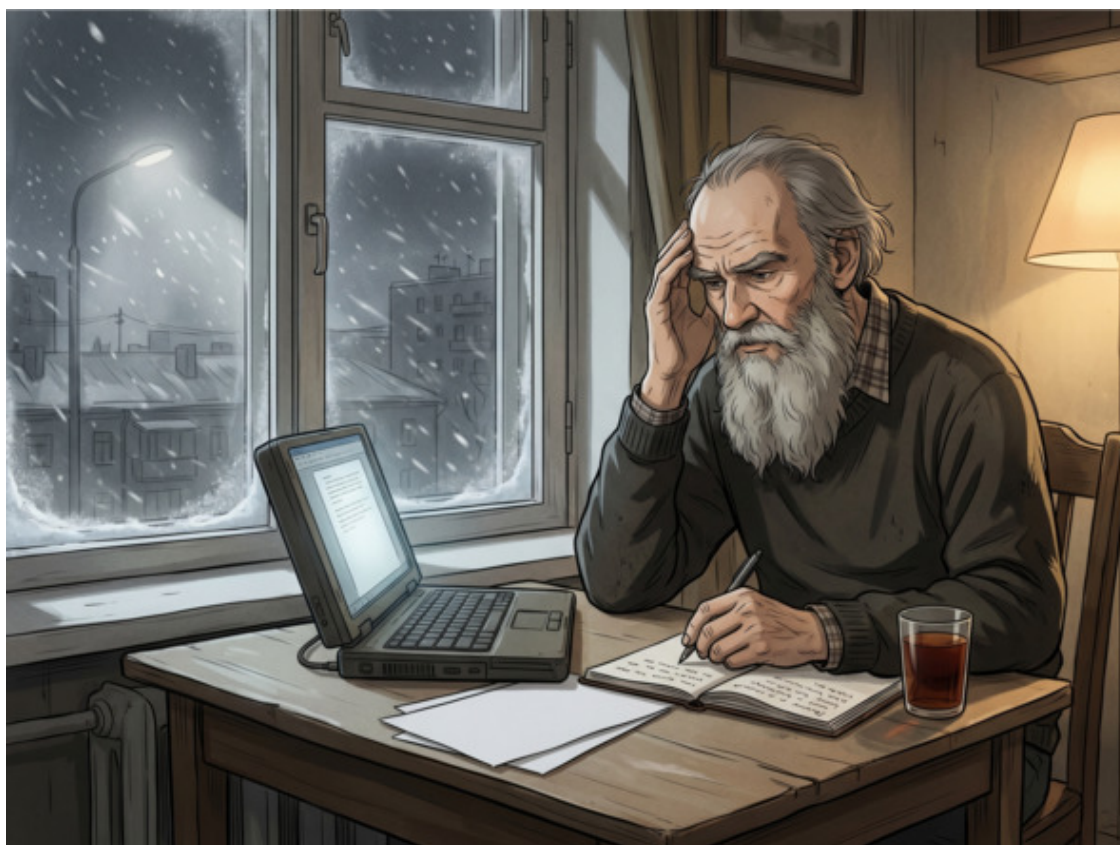
Он начал с того, что оконная рама — это граница между человеком и миром. Что сквозняк — не только физическое явление, но и образ утраты спокойствия. Он написал о свете, что проникает сквозь стекло, как истина сквозь сомнение; о том, что герметичность — не всегда благо, и что в некотором смысле окно должно дышать. Он размышлял о материи и духе, о комфорте и изоляции, о пустоте в человеке, которую никакие стёкла не закроют.

Текст вышел обширный — страниц на шесть по ихним меркам.

Через два дня пришёл ответ. Редактор написал:

«Лев, спасибо. Но это сложно. Нам нужно попроще, по ключам. “Купить окна в Туле недорого”, “пластиковые окна с установкой” и всё такое. Перепишите. Или напишите что-то другое».

Оплата составила восемьдесят девять рублей.

Лев Николаевич, человек степенный, написал в ответ:
«Спасибо. Переделаю».

Дальше пошло всё проще и быстрее: батуты, стоматологические кресла, курсы бухгалтеров, корм для кошек, водонагреватели. Он работал. Старательно. Не жаловался. Но с каждым новым днём в его взгляде становилось всё больше того самого напряжённого молчания, с каким человек делает дело, которого не любит, но не может бросить.

В один вечер, дописав очередную статью про топ-7 приложений для развития памяти, он посмотрел в окно. Был март, метель кружила над крышами, и от тусклого фонаря над крыльцом падала косая тень. Он подумал: «Пишу много. Но будто не я. Слово есть. Смысла нет».

Наутро он, как всегда, зашёл на страницу с новыми заказами. Среди них было одно объявление, которое выбивалось из прочих: «Нужен автор. Очерк на тему: нравственность в исторической перспективе. Без SEO. Без воды. Живой текст. Платим достойно».

Он кликнул не задумываясь. «Пишите. Если не спешите, я сделаю это хорошо. Без лишнего».

Ответ пришёл лишь к вечеру: «Берите. Слово живое нам нужнее, чем глянец. Платим за смысл».

Он сел за стол, отодвинул список заказов и не вернулся к нему более. Писал по утрам, долго, с паузами. Подбирал слова, перечитывал, вычёркивал. Он вернулся к себе. И это было не торжество, а возвращение — тихое, как походка по родной тропе.

Через месяц в витрине книжного магазина на вокзале появилась книга. На обложке: «О человеке. Очерки». Автор — Граф Лев Николаевич.

Редактор с биржи, проходивший мимо, замер. Он зашёл, взял книгу, пролистал. Прочёл начало. Затем первую страницу. Вторую.

Вышел с ней под мышкой, закурил и долго стоял на холодном ветру.

Потом сказал вполголоса, словно себе:

— Ну что ж... граф. Вы были правы.

А Лев Николаевич в это время сидел у себя в комнате. На столе стоял чай, рядом лежала книга с пометками. Он писал. Уже не ради заработка и не ради оправдания. Просто потому, что иначе не умел.

На листе перед ним была строчка, выведенная медленно и аккуратно: «Писать — это говорить правду вслух. Кто делает это за деньги — всё равно говорит. Только пусть не забывает, кому отвечает».

Он задумался, прижал пальцами висок и снова взялся за перо.

Катализатор

Город Зареченск выглядел до омерзения обычным. Панельные дома стояли, как серые башни, наблюдая за грязными улицами, где едкий запах сгоревшей резины перемешивался с шелестом редкой листвы. Город жил своей жизнью, поглощая тех, кто пытался выделиться. Но под этой серостью скрывалась тайна — словно город что-то знал, но молчал.

Максим Игоревич Воронцов выглядел частью этой серой массы. Преподаватель истории, чуть за сорок, с вечно нахмуренным лицом. Его знали все, но никто особо не замечал. Однако за закрытыми дверями квартиры Воронцов превращался в другого человека. Свечи освещали карты, рукописи и странные механизмы, разбросанные по комнате. Здесь он был последним представителем древнего рода, хранителем забытых знаний и тем, кто вернёт магию.

На работе его терпели. Студенты тихо ненавидели Максима Игоревича за его жестокость на экзаменах. Любая ошибка превращалась в "двойку", а зачёт становился недостижимой вершиной.

— История требует точности, — говорил он с холодной улыбкой, возвращая зачётки со словами:

— Попробуйте в следующем семестре.

В колледже его звали «палачом». Но сам Воронцов считал это необходимой частью отбора.

— Только сильные достойны знаний, — говорил он себе.

Особенно запомнился один случай. Студент с пронзительными голубыми глазами и тетрадь, испещрённой рисунками, получил очередную двойку. Он подошёл к Воронцову и сказал:

— Когда-нибудь я верну вам этот долг.

Эти слова застряли в памяти Максима, и он часто вспоминал этот взгляд.

На стенах его квартиры висели портреты завоевателей, а полки ломились от книг на мёртвых языках. Глобус, помеченный выжженными отметками, занимал почётное место.

— Это точки силы, — шептал он, водя пальцем по их пересечениям. — Когда магия вернётся, они узнают обо мне.

Но быть Темным Властелином в мире, где магия стала мифом, оказалось нелегко. Его эксперименты редко срабатывали. Как-то он создал механическую чайку, которая взлетела, кружила пару минут, а потом разбилась. Единственной надеждой оставалась книга из антикварной лавки: «Трактат о Великом Возвращении». Она обещала вернуть магию, если строго следовать инструкциям.

Однажды он прочитал: «Чтобы открыть Врата, нужен Катализатор. Он скрыт среди забытых вещей, где умирает память о прошлом». Максим решил, что речь идёт о свалке Зареченска — месте, где всё теряет всякий смысл.

Свалка встретила его густым туманом и гнилостным запахом. Три дня он рыскал среди мусора, пока не нашёл металлический шар с рунами. Прикосновение к нему изменило всё: тени ожили, и воздух вокруг стал будто плотнее.

— Магия вернулась, — прошептал он, крепко сжимая находку.

Зареченск начал меняться. Фонари мерцали странным светом, на крышах появлялись фигуры, а кошки собирались группами, словно обсуждая планы. Газеты заговорили о «Зареченском феномене», но Воронцову было всё равно. Теперь его цель — завершить ритуал.

Ему нужен был символ власти. Он решил украсть городской герб из кабинета мэра. Для этого он вызвал помощника. Тар, созданный из теней, выглядел как кот с шестью лапами и зелёными светящимися глазами.

— План так себе, — заметил Тар, изучая чертежи. — Но я справлюсь.

Тар помог Максиму похитить герб. Вернувшись домой, Воронцов начал ритуал. Комната наполнилась светящимися линиями, тени стали гуще, а воздух — острым, как перед грозой. Но тут раздался глухой стук в дверь.

Трое людей в строгих костюмах вошли в квартиру. Их лица оставались бесстрастными, движения точными.

— Максим Игоревич Воронцов? Вы арестованы за незаконное использование магии, — заявил один из них.

— Магия... — пробормотал Воронцов. — Как вы узнали?

— Мы следим за всеми аномалиями, — пояснил другой. — Катализатор слишком опасен, чтобы оставаться в ваших руках.

И тут один из агентов снял тёмные очки. Воронцов остолбенел. Перед ним стоял тот самый студент с голубыми глазами. Его взгляд был спокойным, но в нём читалось удовлетворение.

— Вы... — прошептал Максим.

— Я предупреждал, — ответил агент. — Некоторые долги лучше возвращать вовремя.

Агенты деактивировали Катализатор. Магия исчезла, и комната снова стала серой. Герб вернули, книгу конфисковали, а Воронцов оказался в камере.

— Магия слишком опасна, — бросил агент на прощание.

Но Максим, сидя в тёмной камере, не сдавался. Тени шевелились вокруг него, и их шёпот вторил его мыслям: «Это ещё не конец!»

Дела аптечные

В тот вечер зимний город казался особенно тихим. Снег мягко стелился по мостовым, словно пытаясь укрыть старые улицы от времени. Гирлянды на фасадах домов лениво мигали разноцветными огоньками, а воздух пах морозом, хвоей и чем-то ещё — пряным, немного согревающим. В одном из переулков, спрятанная между домами с облупившимися фасадами, стояла аптека П. Громова. Её вывеска почти стёрлась, лампочка над дверью мерцала, будто устав от собственного света. Казалось, это место уже забылось самим городом, но на пороге иногда всё же появлялись те, кто умел видеть больше, чем с виду кажется.

Ирина Громова, хозяйка аптеки, была невысокой женщиной с серебристыми волосами и усталым взглядом. Она никогда не сидела без дела: то настойку проверить, то травы переложить, то старые бумаги перепроверить. Это помогало отвлекаться от мыслей, которые становились всё мрачнее. Она знала, что её аптека — не просто лавка, это островок магии. Но мир менялся, и Ирина всё чаще задавалась вопросом: нужен ли людям этот остров? Или он так и останется незамеченным в вихре современной жизни?

Звонок на двери чуть звякнул, и в аптеку вошёл высокий молодой человек. На нём был длинный шарф с оленями, а на лице — растерянность вперемишку с лёгким интересом. Он осмотрелся, постоял на пороге, а потом, словно пытаясь оправдать свой визит, произнёс:

— Я... просто шёл мимо. Не знаю, почему сюда зашёл. Наверное, искал что-то.

Ирина взглянула на него с любопытством, словно пыталась прочесть что-то невидимое. Потом протянула маленький флакон. Жидкость внутри мягко переливалась, словно собрала в себя свет луны и звёзд.

— Попробуй, — сказала она, её голос был спокоен, но как будто звенел чем-то нездешним. — Это поможет. Если готов.

Он сделал глоток. Горьковатый вкус разлился теплом по горлу, а затем внезапно всё вокруг изменилось. Полки с настойками и травами будто зашептались, мягкие тени на стенах закружились в странном танце, а в стеклянных дверцах шкафов ему почудились чьи-то тени — нестрашные, но загадочные, будто призраки воспоминаний. Максим замер, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

Но в этот момент раздался громкий стук в дверь. Звук разорвал волшебство, будто разбудил сон. Ирина обернулась, и Максим заметил, как её плечи едва заметно напряглись. На пороге стояли двое мужчин в тёмных пальто и шляпах.

— У нас жалоба, — сказал один из них. — Незаконная торговля, подозрительные препараты. Документы.

Ирина, опустив взгляд, подошла к шкафу и достала оттуда пыльную папку. Максим смотрел на неё, чувствуя странную смесь тревоги и любопытства. Инспекторы вошли внутрь, смахивая снег с воротников, и взялись за документы.

Бумаги выглядели старомодно: пожелтевшие листы, гербовые печати, строки каллиграфического текста. Один из инспекторов хмыкнул.

— Это что ещё за раритет? — пробормотал он, ткнув пальцем в печать. — Она не зарегистрирована в нашей базе.

Ирина подняла взгляд. Её голос звучал ровно, но в нем ощущалась скрытая усталость.

— Эти документы действительны. Им больше ста лет. Их выдал городской магистрат, когда вашего департамента ещё не существовало.

Первый инспектор фыркнул, а второй молча листал бумаги. Но на одном из листов его взгляд задержался. Максим заметил, как рука инспектора чуть дрогнула, будто тот увидел что-то неожиданное. Сам инспектор нахмурился, огляделся, словно пытаясь найти источник света, и пробормотал:

— Что за...

Максим не успел спросить, что он увидел. Инспектор передал документ напарнику, и тот внезапно застыл. На миг ему показалось, что строки на бумаге начали двигаться. Буквы светились, как капли замёрзшей росы, а затем сложились в узор — тонкую, переливающуюся снежинку. Он заморгал, стряхивая видение, но не смог сдержать лёгкой дрожи.

— Здесь... всё чисто, — быстро произнёс он, возвращая бумаги. — У нас нет претензий.

Инспекторы ушли, и в аптеку вернулась тишина, словно ничего и не было. Максим выдохнул, чувствуя, как напряжение отступает. Ирина села на табурет, устало улыбнулась.

— Как-то так, — сказала она, глядя на него.

Максим кивнул. Он ещё не понял до конца, что здесь произошло, но чувствовал: это место не просто аптека. Это порог между мирами. А он, шагнув сюда, больше не сможет быть прежним.

Когда за окнами зажглись гирлянды, а снежинки закружились в холодном воздухе, Максим выпил горячий чай с запахом корицы и мёда. Этот вкус казался ему одновременно новым и знакомым, как воспоминание о детстве. Теперь он знал: в мире больше тайн, чем кажется на первый взгляд. И волшебство иногда прячется за самыми неприметными дверьми.

Семь шагов до тени

Дождь хлестал каменную мостовую, превращая её в скользкое зеркало. Стас гнался за чёрным силуэтом, не обращая внимания на холод и сырость. Фигура в плаще двигалась легко, как тень, едва касаясь мокрых булыжников. Её лицо было скрыто капюшоном, но Стас видел, как развевается край плаща — словно крылья, готовые поднять его владельца в воздух.

— Стой! — выдохнул Стас, больше для себя, чем в надежде на ответ. — Не уйдёшь.

Тень на мгновение обернулась, и Стасу показалось, что капюшон пустой. Чёрная пустота вместо лица заставила его замедлиться на долю секунды, но фигура уже свернула за угол.

Он нырнул за ней в переулок. Узкие стены давили, свет от старых фонарей едва доходил до мокрой мостовой. Чёрный плащ мелькнул впереди, и Стас добавил скорости. Лужи разлетались брызгами, сердце бешено билось. Он был ближе, чем когда-либо.

— Ты сам этого хотел! — выкрикнул он, больше для храбрости.

Вдруг прямо перед ним на мостовую хлынул поток — густое, тёмное масло растеклось по камням. Стас заметил его слишком поздно. Ноги уехали, и он рухнул на бок, соскальзывая вперёд, словно пойманный в сети. Рука выстрелила вперёд, зацепившись за край стены. Боль от удара эхом отдалась в плече, но он успел вскочить.

Фигура остановилась чуть дальше, на границе света и тени. Она словно ждала.

— Ты так и будешь падать? — голос звучал насмешливо. Глубокий, спокойный, как у того, кто знает правила игры лучше всех.

— Я знаю, куда ты идёшь! — крикнул Стас, едва удерживая равновесие. — И на этот раз не отпущу.

Тень качнула головой, словно соглашаясь, и снова двинулась вперёд.

Стас бросился за ней. Улицы менялись на глазах. Там, где минуту назад был открытый двор, выросли стены. Повороты исчезали в никуда, фонари гасли, оставляя его наедине с мокрой тьмой. Но он видел плащ, мелькающий в темноте, и это заставляло его идти дальше.

Площадь. Она появилась внезапно, как будто город выбросил её прямо на пути. По периметру стояли статуи — львы, ангелы, старые и облезлые. Они смотрели на него пустыми глазами, а их тени странно вытягивались в сторону фигуры в плаще, стоявшей посреди площади.

Стас шагнул вперёд. Камни под ногами заскрипели, как хрупкое стекло. Фигура не двигалась, но он чувствовал, как пространство вокруг неё становится плотным, вязким, словно воздух теперь был её защитой.

Он сорвался с места. Шаг, два, три... тени ожили. Они тянулись от статуй, как густые нити паутины. Первая сомкнулась вокруг его ноги, вторая взяла за руку. Они обжигали холодом, словно ледяные верёвки.

— Ты слишком медленный, — раздалось впереди.

— Я дотянусь! — Стас рванулся вперёд, порвав одну из теней, и шагнул в круг света. Рука вытянулась к плащу, его пальцы зацепили ткань, но фигура резко дёрнулась в сторону. На миг он увидел её профиль — пустота под капюшоном снова пронзила его, и он разжал пальцы.

— Ты не знаешь, зачем гонишься за мной, — тихо сказал голос. — Ты сам загнал себя сюда.

Стас остановился, но тут же шагнул вперёд.

— Не в этот раз, — он сделал рывок, но наткнулся на что-то твёрдое — воздух стал плотным, словно стена.

— Ты не отпустишь меня, потому что ищешь себя. Я — то, что ты не хочешь видеть, — голос звучал теперь почти спокойно, даже мягко. — Но, как всегда, ты проиграешь.

Капюшон обернулся. К нему был прикреплён предмет, мерцающий в свете — зеркало. Маленькое, блестящее, оно отразило его собственное лицо, и Стас замер.

Его отражение смотрело на него усталым, мокрым взглядом, в котором не было ничего, кроме пустоты. Он чувствовал, как силы уходят, а воздух вокруг становится густым как вода.

— Ты вошёл в игру, — произнёс голос. — Выхода нет. Желаю удачи.

Фигура шагнула в тень и исчезла. Площадь вновь стала самой обычной. Стас стоял посреди мокрых камней и тяжело дышал. Вокруг были только дождь и тишина. На мостовой лежало зеркало. Он поднял его.

В отражении кто-то улыбнулся.
Семь шагов до тени. Один — в никуда.

Четвёртый этаж, одинокий свет

Когда Кристин Смит сказала, что её брат пропал, я чуть не повесил трубку. Люди исчезают каждый день. Чаще всего — по своей воле.

— Вместе с ним исчезли телефон, бумажник, ключи. Даже паспорт, — сказала она. — А Йося остался.

— Кто?

— Игрушка. Жираф. С детства с ним. Он без него даже в командировки не ездил. Если Йося дома, а Эдмунда нет — значит, что-то случилось.

Я не обратил внимания на жирафа. Меня зацепил её голос — ровный, спокойный, но внутри него что-то дрожало, как ток в старом проводе. Без истерики, без суеты — так говорят, когда уже перебрали все варианты и осталась только одна мысль: что-то пошло не так.

Квартира Смита находилась на четвёртом этаже. Пентхаус, если говорить модно. Всё, как в дорогих каталогах: стены — ровные, серые, холодные; пол — чистый до стерильности. Ни запаха, ни звука. Такое впечатление, что тут никто не жил — только снимали интерьер. Даже мусорное ведро пустое, будто перед показом.

И только одно пятно в этой выставочной композиции: плюшевый жираф на подлокотнике кресла. Жёлтый, с пришитой пуговицей вместо глаза. Шея — защита неумело, торчат нитки.

— Это он? — спросил я.

Кристин кивнула.

— Он называл его «точкой отсчёта». А сам... словно испарился. Двери были заперты. Камеры — пусто. Вещи на месте, всё на своих местах. Только его нет.

Я просмотрел документы, электронную почту, историю вызовов. Ничего подозрительного — ни суеты, ни резких движений. Только вот странная деталь: слишком аккуратный порядок. Как будто тут не жили, а зачищали.

Так не бывает. Даже у педантов остаются следы. Кто-то ушёл — и хотел, чтобы следов не осталось. Или кто-то за него постарался.

Первым, с кем я поговорил, был Чарльз Дрейк — деловой партнёр Смита. Выглядел безупречно, говорил правильно, улыбался в меру. Но из таких редко выходит человек, которому хочется верить.

— Он сломался, — сказал Чарльз. — Бизнес проседал, на него давили, журналисты копали. Я предлагал ему поддержку — он отказался. В последний раз сказал: «Я хочу исчезнуть вежливо». После этого мы больше не разговаривали.

— У вас был конфликт?

— Не было. Мы не враги. Скорее... он стал врагом самому себе.

Анна, его бывшая помощница, уволилась незадолго до исчезновения. Жила на окраине, в доме с облупленными стенами и почтовым ящиком, в который никто не писал. Она открыла мне дверь, глядя внимательно, но без страха.

— Он не боялся других. Он боялся себя, — сказала она. — Последние недели — будто в панцире ходил. Словно каждый день спорил сам с собой. Я ушла, потому что не хотела быть рядом, когда человек начинает сыпаться.

— Думаешь, он ушёл сам?

— Думаю, он считал это честнее, чем остаться и притворяться.

Я вернулся в его кабинет. Йося всё так же сидел на кресле. Я взял его в руки. Плотнее, чем ожидалось. Лапка — без пятна, хотя Кристин говорила, что было. Пуговица — не та.

А шов — свежий.

Разрезал. Внутри — флешка. На ней — один-единственный файл. Письмо. Отсканированное, написанное аккуратным почерком.

«Я не сбежал. Я ушёл. Я не хочу быть Смитом. Я хочу быть никем. Йося остаётся. Э.»
Слишком чисто. Слишком гладко. Не в стиле человека, который ломается. В стиле того, кто хочет, чтобы всё выглядело логично.

Я позвонил Кристин.
— Скажи честно: это тот самый Йося?
Она помолчала.
— Нет. У настоящего была пуговица другого цвета. И пятно от кофе на лапке.
— Значит, его подменили.
Я снова встретился с Дрейком. Без угроз, без прелюдий.
— Ты подменил игрушку, — сказал я. — И оставил её в кабинете. Как будто он просто вышел на минуту.
Он не стал оправдываться.
— Он уехал. По-настоящему. Попросил меня убрать за собой следы. Письмо — его. Я просто спрятал его так, чтобы... ну, чтобы вы нашли. Кто-нибудь, кто знал, на что смотреть.
— Это символично?
— Для него — да. Он хотел, чтобы исчезновение было не трусостью, а решением. Чтобы не осталось грязи. Только — тишина.
Эдмунда не нашли. Я и не искал. Всё, что стоило понять, уже лежало на этом кресле — в теле жёлтого жирафа с кривым швом.
Кристин забрала Йосю. Сказала, будет держать на полке. Если когда-нибудь брат вернётся — она ему скажет, что он был не прав. А может, и не скажет. Просто сядет рядом.
Я вышел из дома под вечер. Моросил дождь. В окне на четвёртом этаже ещё горел свет.
Он, возможно, действительно исчез.
А возможно — просто стал кем-то другим.

Всё, что он оставил, — игрушка.
Но иногда этого достаточно.

Йоль твоего кота!

Всё началось с того, что накануне зимнего солнцестояния в городе стали происходить странные вещи. Луна исчезла. Вернее, её вообще не стало видно. Жители смотрели в тёмное небо с тревогой, перешёптывались на улицах: «Это тучи? Или что-то случилось?... В чатах появлялись странные сообщения: «Луна не появляется третью ночь подряд!», «Раньше такого не было, может, это знак?». Свет звёзд будто погас, и только уличные фонари лениво разгоняли этот внезапно обрушившийся полумрак. Люди на улицах стали уходить домой раньше, избегая пустых переулков. Некоторые рассказывали, что слышали шаги за спиной, но оборачиваясь, никого не видели. Город словно застыл в ожидании чего-то, и даже привычный шум машин на дорогах казался приглушённым. Снег, привычно сверкавший под ногами, больше напоминал грязную вату. Люди нервничали, шёпотом обсуждали исчезновения вещей, а в местных чатах мелькали тревожные сообщения: «Опять пропали пледы, весь дом обыскали!», «У кого-то варежки украли прямо с балкона, это нормально?», «Собаки лают на пустоту, что за чёртовщина?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.